

О ФИЗИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ МУЗЫКИ

(Окончание)

Гомер и Платон²⁰, а из новейших Лаврентий Балла²¹, Шекспир, Порта и некоторые другие почитали людей, бесчувственных к музыке, существами несовершенными. Такой недостаток организации гораздо обыкновеннее, нежели вообще полагают. Хотя мы и получаем от природы более или менее счастливые способности к сему искусству, но воспитание бесспорно весьма много участвует в рождаемых им ощущениях; и сим-то, мне кажется, отличаемся мы от животных бессловесных, в коих сии ощущения суть только следствием органического их сложения. Нередко видим людей с большим умом и ученостию, не только не чувствующих удовольствия от музыки, но и не получающих от нее иного впечатления, кроме того, которое производится несносным шумом. Со всем тем история научает нас, что все люди, приобретшие себе великое имя, в каком бы то роде ни было, любили сие искусство.

Действие музыки, как средства врачебного,

183

в некоторых болезнях, проистекающих от сильной боли или от повреждения умственных способностей, с успехом испытываемо было в многоразличных обстоятельствах; но в таковых случаях действие сие, как мне кажется, не есть просто физическое, здесь не чувства одни потрясаются, как у бессловесных тварей: душа разделяет с ними впечатления, и искусство действует с такою же силой на умственные способности, как и на чувственные.

Из всех случаев, которые можно бы привести в доказательство сего влияния музыки на здоровье, избираю я следующие анекдоты.

Княгиня Бельмонте лишилась своего мужа. Прошел месяц, и она не произнесла ни одной жалобы, не пролила ни одной слезы. Страшная тягота ее угнетала: она казалась умирающею. Перед наступлением вечера больную выносили в великолепный ее сад, но зрелище природы не имело для нее прелестей и не приносило ей ни малейшего облегчения. Рафф²², славнейший певец в Германии, впервые тогда случился в Неаполе. Он пожелал видеть сад княгини, известный по красоте своей. Одна из княгининых прислужниц, узнав, что сей отличный артист находился в саду, хотела испытать, не подействует ли музыка на здоровье госпожи ее, и упросила Раффа пропеть что-либо близ рощицы, где находилась княгиня. Рафф согласился и выбрал арию Ролли, начинающуюся сими словами: *Solitario bosco ombroso*. Чистый и трогательный его голос, простая, но выразительная мелодия сей ариетки, стихи, совершенно приличные месту и обстоятельствам,— все сие произвело такое действие на органы княгини, что слезы обильно потекли из глаз ее. Они не переставали литься несколько дней сряду, и это спасло больную.

Другой анекдот относится к помешательству в уме Филиппа V, короля испанского. Известно, что король сей впадал в глубокую задумчивость, которая препятствовала ему не только заниматься государственными делами, но и заботиться о телесной своей опрятности. Королева вздумала изведать силу музыки над своим супругом и для сего воспользовалась прибытием в Мадрид известного Фаринелли²³. Что предвидела королева, то и случилось: голос дивного сего певца произвел такое действие над

Филиппом, что он как бы вдруг пробудился от продолжительного сна, позволил выбрить себе бороду и одеть себя, на что долгое время не поддавался. Можно бы привести и еще весьма многие примеры подобного врачевания, совершенного посредством музыки.

Уверенность древних во врачевой силе музыки простиралась весьма далеко. Гомер, Плутарх²⁴, Феофраст²⁵ и Галиен²⁶ были убеждены, что она исцеляет от чумы, от ревматизмов и от уязвления пресмыкающихся. Некоторые из новейших также были той веры; так, напр., Димербрёк (Diemberbroeck)²⁷, Боннет²⁸, Бальиви²⁹, Кирхер³⁰, Гаффенреффер и Десо (Desault)³¹, приписывали музыке свойство вылечивать от чахотки, подагры, чумы, водобоязни и укушения ядовитых животных. Приписывая музыке такие чудеса, слишком распространяют ее могущество. Искусство сие производит главное свое действие на нервы; и легко постигнуть, что болезни, от оных зависящие, могут быть утолены пением или звуком инструментов; но не слишком было бы рассудительно приписывать ей силу врачевную в смысле обширнейшем. Таким образом, нельзя верить исцелению от чумы сим средством, но позволительно верить тому, что Додар³² рассказывает в “Истории Парижской Академии наук” об одном молодом музыканте, излеченном от сильной

горячки концертом, данным в его комнате.

Другой случай, рассказанный одним парижским врачом (г-м Бурдуа де-ла Мотт), показался бы не столь вероятным, если б не был засвидетельствован сим отличным медиком. Он лечил одну молодую даму от

горячки, в которой оказывались весьма важные припадки. Самые обдуманые пособия врачебной науки не могли утолить припадков, и на осьмнадцатый день больная приближалась к смертному часу. Г. Бурдуа, выходя от больной, увидел в гостиной арфу и вздумал употребить музыку как последнее средство. Призвана была арфистка и сыграла у постели больной несколько выразительных пьес. Уже сей опыт продолжался около получаса, но музыка все еще не производила ожидаемого действия; по счастью, предпринявшие сие лечение не отставали. Спустя сорок минут, искусный наблюдатель заметил, что дыхание становилось явственнее и чаще: скоро движение груди сделалось как бы одновременно с темпом музыкальной меры. Музыкантша удвоила свои старания: животворная теплота разлилась по всем членам больной, пульс усилился и сделался правильнее; тяжкие вздохи вырывались из груди, которая, казалось, была стеснена. Вдруг кровь полилась из носу, и по “стечению около осьми унций оной больная начала говорить: чрез несколько дней она уже вставала с постели. Собрание клинических наблюдений, изданных в 1811 году доктором Дезессаром, включает в себе подобный ему анекдот.

Шарлатанизм, бросающийся на все и все портящий, хотел сделать из музыки всеобщее лекарство. Доказательством тому служит “Всеисцеляющая музыка” (la musique rapasee) Ж. Б. Порты, где он уверяет, что инструменты, сделанные из лекарственных растений, издают музыкальные звуки, имеющие целебное свойство, сродное помянутым растениям, которым излечиваются от болезней, при коих растения сии предписываются как надежнейшее средство. Музыка в древности составляла часть врачевания магического, астрологического и феозофического. Сему же шарлатанизму должно

приписать басню о целебном свойстве музыки от укушения тарантула. Самые достойные уважения врачи долго обманывались сим странным заблуждением. Даже Бальиви, благонадежно приводимый в подтверждение некоторых случаев, был жертвою своей легковёрности и неосмотрительности. Гаффенреффер посвятил длинную главу своего сочинения “*Nosodochium in quo cutis affectus traduntur curandi*”³³ весьма важному изложению разных и приличнейших музыкальных средств от укушения тарантула; почти все медицинские книги его времени заключают в себе подробности о сем предмете, и более двадцати диссертаций посвящены оному исключительно. Одна из самых пространных сочинена Германом Грубе, под заглавием: “*De situ tarentulae, et vi musices in ejus suratione, conjecturae physica-medicae*” (Франкфурт, 1670 г. in-8). Если верить всем авторам, писавшим о сем предмете, тарантул, род паука, находящегося наиболее в Неаполитанском королевстве, уязвив человека, оставляет в ране яд, действующий по прошествии большего или меньшего времени. Когда сей яд начинает действовать, больные впадают в исступление, заставляющее их беспрестанно бегать и плясать; музыка, еще более возбуждая к прыжкам и пляске, приводит их в сильный пот, оканчивающийся исцелением больных*. Дело в том, что шарлатаны

* Сочинитель сей статьи забыл еще об одном весьма важном обстоятельстве, по своей (т. е. музыкальной) части. Инструмент, который употребляется для излечения от яда тарантулова, называется *тарантелла*, равно как и род плясовой песни, играемой на сем инструменте. В книгах новейших поборников *белой магии*³⁴, из коих некоторые (как то: “Открытые тайны древних магиканов” и “Словарь натурального волшебства”) переведены на русский язык, есть подробные описания как самого инструмента *тарантеллы*, так и способа лечения оным, с точным означением числа *плясовых приемов*, предписываемых больному. В одной из сих книг есть даже и ноты песни *тарантеллы*.— Прим. переводчика.

часто употребляли во зло легковерие народное на сей счет, для собственных корыстных видов, но изыскания врачей-философов ясно доказали лживость сего лечения и даже самой болезни.

Самое существенное физическое действие музыки есть то, которое проистекает от музыкального *ритма* на массы людей, где бы то ни было, в театре ли, в трудах ли воинских. В этом действии умственная природа мало участвует. Это такое ощущение, которое сообщает телу определенное движение, каково бы ни было расположение духа. Во всяком другом случае музыкальное искусство действует на чувства наши только как на посредников, передающих душе принимаемые ими впечатления; душа уловляет их, и ее волнение скоро поглощает все внимание наше. Сим-то преобразованием ощущения музыка столько содействует к нашему счастью, ибо если б ее действие было просто физическое, тогда оно было бы кратковременно. Чувственные способности, отдельно взятые, ограничены; способности душевные неистощимы.

Много было писано об употреблении музыки как средства врачебного. Замечательнейшие сочинения по сему предмету суть следующие:

Lippius. *Dissertatio de musica*. Vitteb. 1609.

Regnier. *Ergo musica in morbis efficaci*. - Париж, 1624.

Medeira (Edouard). *Inaudita philosophia de viribus musicae (In nova phil.& medicina)*, in-8. Ulissip. 1650.

Francus. *Dissertatio de musica*. Гейдельберг, 1672.

Loescher. *Dissertatio de Saulo per musicam curato*. Vitteb, 1688.

Ettmuller. *Dissertatio de effectibus musicae in hominis*, in-4. Лейпциг, 1714.

Albrecht (J. Wilh.). Tractatus physicus de effectibus musicae in corpus animatum. Лейпциг, 1734, in-8.

Nicolai. Verbindung der Musik mit der Artzneygelahrtheit. Artzney — gelahrtheit Галле, 1745.

Widder. Dissertatio de effectibus ope musices excitandis, augendis et moderandis. Гренинген, 1751.

Van-Swieten. De musicae in medicina influxu atque utilitate. Leido, 1773.

Malouin. Dissertatio an ad sanitatem musica? in quaest. n. 16. Париж, 1733. — Ergo ad sanitatem musika. Ibid. 1777. Sprengel. Dissertatio de musicae artis cum medicina connubio. Галле, 1800.

Roger (J. L.) Tentamen de vi soni et musicae in corpis humanum. In-8. 1758. (Сие сочинение переведено на франц. язык г-м Сент-Мари и напечатано в Леоне, 1803 г.).

De la Grange (P. A.). Essai sur la musique, considerée dans ses rapports avec la medicine. In-4. Paris, 1804.

La Marche (J. B.) Essai sur la musique, considerée dans ses rapports avec la medicine. In-4. Paris, 1815.

С франц.— Сомов